

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СЕМАНТИКИ И СЕМИОТИКИ

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ТЕКСТ: О НЕРУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

У.М. Бахтикиреева

*Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198*

В статье предпринята попытка обратить внимание коллег, работающих в исследовательском поле теории языковой личности, на вопросы, связанные с *нерусской*, но преимущественно *русскоязычной личностью*. Статья иллюстрируется фрагментами языковых биографий *нерусских русскоязычных писателей*.

Ключевые слова: языковая личность, русский язык, русская языковая личность, нерусская языковая личность, постсоветская территория, постсоветский научный дискурс.

THE NON-RUSSIAN LINGUISTIC IDENTITY IN POETIC DIMENSION

Uldanai Bakhtikireeva

*Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198*

The article represents the attempt to focus the colleagues' attention who work in the field of the theory of linguistic identity on the issues which connect with the non-Russian but predominantly with the Russian speaking identity. The author of the article has tried to present the original material pre-

sentably enough to introduce a reader with the representative corpus of the scientists' personal expressions according to the problematic issues.

Keywords: linguistic identity, Russian, Russian linguistic identity, non-Russian linguistic identity, the post-Soviet territory, the post-Soviet scientific discourse.

Мужчина откашлялся и с сильным акцентом, но по-русски спросил: "А почему *ви* пишете не на родном языке? Как это можно? Ведь язык – дом мысли, как сказал Хайдеггер, и писать надо на языке предков. Какой же *ви* писатель, кхе-кхе, если и не знаете родного языка ...»

*Дина Дамиан (Мадина Тлостанова).
Роман в новеллах «В вашем мире я прохожий».*

Работы, посвященные *русской языковой личности*, в частности – монография известного ученого Т.П. Млечко [11]¹, способствовали написанию настоящей статьи на уже ставшее доброй традицией научное мероприятие, посвященное вкладу в науку о языке и памяти Ученого. Есть внутренняя уверенность, что тема моей статьи вызвала бы интерес одного из моих Учителей – Льва Алексеевича Новикова, заинтересованность и заботливая поддержка которого остается незабываемой при защите моей кандидатской работы, посвященной творчеству Ч.Т. Айтматова.

В течение двадцати лет, пробираясь сквозь постулаты отечественной теории языковых контактов и билингвизма советского периода, ищу ответы на вопросы, связанные с языковым сознанием билингвов, русско-инонациональным двуязычием, ролью и значением русского языка в ходе формирования русскоязычного социума, его особой функцией в историческом процессе.

Ламентации отдельных субъектов в экс-республиках СССР в конце 80-х и начале 90-х годов прошлого века в отношении положения разных национальных языков, взаимодействующих с русским, достигали разных пределов. Однако, определения русского как «языка колонизаторов», «языка оккупантов» постепенно теряют свою актуальность в нынешних социальных дебатах. Но какие причины вызвали столь негативные и противоречивые ярлыки?

¹ Полный текст рецензии на монографию принят к публикации в «Вопросах психолингвистики» (№3, 2014).

Почему плохое владение своим этническим языком с такой легкостью оправдывается лингвистической витальностью русского языка? Почему языковое сопротивление, языковая конфронтация этнически нерусских людей нередко переносилась на русскую культуру и русский народ? – Очевидно, что не только из желания занять виктимную позицию «обиженного» субъекта.

Настоящую статью рассматриваю как утверждение² научной проблемы, остающейся открытой. Насколько важно для русского языкознания исследование параметров *нерусской языковой личности* на постсоветской территории? (Речь идет о немалом числе нерусских людей с доминирующим в их сознании русским). Для этого должны быть критерии. Один из них – изучение упомянутой монографии – объемной, но лаконичной, без лишних слов и эмоций, но между строк которой чувствуется тревога за будущее русского и русскоязычного человека, относящего себя к Русскому миру. Как и Й.Л. Вайсгербер, считавший, что «быть носителем родного языка означает делить ответственность за сохранение и развитие родного языка» [9, с. 154], Т.П. Млечко делит ответственность за русский язык, за носителя русского языка, о чем красноречиво свидетельствует и ее научная, педагогическая и общественная деятельность, гражданская позиция.

Накопленный в русском языкознании материал о ЯЛ, солиден. И, казалось бы, постсоветский научный дискурс (как основной корпус текстов, относящихся к сфере знания РЯЛ) создан. На самом деле, это не так: личность *меняется*, об этом, в частности, пишет Т.П. Млечко. Русификация³ в экс-республиках СССР сменилась латышизацией, казахизацией, украинизацией... И этот процесс абсолютно закономерен: становление и структурирование государства немислимо без гос. языка. «При нашей жизни, за двадцатилетний период рубежа веков, в турбулентных процессах эпохи глобализации сформировалась новая геополитическая и социо-

² Постановке этой проблемы нами посвящено несколько работ, в т.ч. (См. Бахтикиреева У.М. [5; 8]).

³ Как известно, содержание языковой политики советского государства заключалось в гомогенизации общества. Государственным *de facto* стал язык «одной наиболее развитой нации (в терминологии того времени)» или «насилственная русификация» (См.: Алпатов В.М. [2]).

культурная реальность – ближнее зарубежье. Каково наше место в нем и имя нам в хронотопе современного мира? <...> Каковы межпоколенческие точки соприкосновения людей, рожденных в СССР, и детей суверенитетов, пишущих и читающих на одном и том же языке, но разные книги, слушающих на нем разные эфиры, по-разному общающихся в электронном пространстве? <...>» [11, с. 3].

Обогатив онтологией конкретного ареала теорию языковой личности, Т.П. Млечко предоставляет возможность увидеть РЯЛ в молдавском измерении, обзор изменений в русской языковой практике, перипетии становления русско-инонационального билингвизма, сложности языкового самоопределения, специфики самовыражения РЯЛ в разных сферах. Очевидна возможность использования модели Т.П. Млечко для разработок аналогичных тем с другой локальной спецификой. «Неслучайно ‘русскоязычные’ в Молдове, как и во всех постсоветских республиках, стали специфической социально-культурной группой с едиными проблемами и похожими судьбами» [11, с. 167].

Метод социально-речевого портретирования, выбранный Т.П. Млечко, оказался эффективным и максимально соответствующим социолингвистическим задачам исследования. «Каждый носитель русского языка – это человек русского мира, который по-своему в нем живет и по-своему может о нем рассказать» [11, с. 269]; русский человек «готов интегрироваться в его новый государственный формат, в инонациональное пространство, но с культурой, а не в культуру» [11, с. 169].

В силу многих причин, связанных с недавним прошлым и относящихся к переживаемому настоящему – проделанный Т.П. Млечко труд имеет ценность не только в плане «чистой науки». Но сила и надобность *стоящего* научного труда состоит в «брожении умов», в цепной реакции со-причастия. Т.П. Млечко – русский человек, ученый и гражданин еще раз напомнил мне о необходимости осмысления особенностей *нерусской языковой личности*, формирующейся на основе ассиметричного взаимодействия русского и других национальных языков. *Не осмыслив такие языковые биографии, невозможно понять весь потенциал, значение и роль русского языка в историческом процессе.* В этом контексте важным представляется обращение к личным опытам / языковым практи-

кам, к постоянно длящемуся внутреннему монологу и о том, кто мы – нерусские, говорящие на русском лучше, чем на языке матери; кто те нерусские, которых невозможно прикрепить к одному «этническому гнезду»?

На территории Российской империи, позже советского государства осуществлялись культурные контакты, складывались культурные (гибридные) модели, структуры, возникали особые эстетические и социо-культурные феномены, кодовые переключения. При этом этническая и языковая идентичности не совпадали, количество людей с «комплексом гадкого утенка» [13] увеличивалось. Неравновесное взаимодействие языков на данной территории обуславливали би-, мульти- и транслингвальные процессы. «К середине XX века власти решили, что <...> пора уже из них делать русских. Хотя, с другой стороны, этой чести удостоить ‘туземцев’ были готовы очень немногие чиновники. Империя запуталась в своей риторике и двойных стандартах. Что же было говорить о тех, кто был объектом ее противоречивых экспериментов? С одной стороны родная страна намертво фиксировала биологическую этничность в паспорте, насильно навязывая ее человеку, хотя часто она не имела ничего общего с его индивидуальным самоощущением. С другой, светлый идеал будущего советского метиса с узнаваемо русской основой звал к тому, чтобы отметить особенно образцовых ‘инородцев’ почетным званием русского» [16, с. 240].

Факты из языковой биографии нерусской языковой личности

Идентифицирующий себя с казахским этносом казахстанский ученый, филолог, востоковед, посол Мурат М. Ауэзов пишет в своих «Дневниках»:

27/VI/1978. «Пишу на русском языке, но не «по-русски». Русскоязычие – оружие формирующегося национального самосознания. Этого не замечает пока прорусский партийно-государственный аппарат, воодушевленный успехами языковой ассимиляции нерусских компонентов “новой исторической общности”. Не видят этого те из соплеменников, в ком вытравлено чувство исторического оптимизма ...» [4, с. 237].

Январь 1977. «Мой русский язык – неприятный, маленький костер, огня которого вполне достаточно, чтобы высветить определенный объем информации и лица собеседников. Русским языком

творить казахское вольное слово... попытка возможна, но и сложна, хотя бы потому, что это язык всегда ощущается мною как чуждый, способный выразить мое ожесточение, но не любовь, и чувства нежные, глубоко интимные, незащитные в своей откровенности. <...> Даже в те периоды своей жизни, когда владел только русским языком, я не доверял ему своих самых глубоких переживаний. <...>. За этим не было сознательной позиции, осознанных протюркских настроений. Мы, русскоязычные казахи, начинали осваивать мир с помощью звуков, ритма, мелодики, знаков родной речи. В нашем русском языке, как правило, не функционирует с полной мерой нагрузки лексический слой детских слов, первых, крупных, святых» [4, с. 193].

Без определенного «этнического гнезда» российского ученого и писателя авторы Оксфордской библиографии по модерности и колониальности определили следующим образом: «Мадина Тлостанова – филолог и философ узбекско-адыгского происхождения, живущая в Москве, работает над проблемами деколонизации гендера и деколониальной эстетики» [8, с. 3]. Это определение, обозначающее этнические корни, подчеркивают ее инаковость, как и героиня из второго романа М. Тлостановой «Залумма Агра», отвечающая на вопросы другого героя – французского антрополога:

«– А как вы чувствуете себя среди людей, которые вам близки этнически?

– Никак. Для того чтобы чувствовать себя хорошо, надо быть своей, надо знать язык, разделять обычаи, ценности, а я этого лишена.

– А вы не знаете родного языка?!

– Нет, хотя, что считать родным в моем случае?

– Русский, так получается.

– Да, как ни крути.

– Так вы русская!

– Нет, не все так просто!

– Ну как же, и говорите только по-русски, не считая европейских языков, но эти иностранные. Это не считается. И ведете себя тоже, в вас все русское! <...>

– Почему вы против? Что же делает вас нерусской, на ваш взгляд?!

– Я отвечу пословицей, не русской, африканской: Ягуар пестрый снаружи, а человек внутри. Как вам такая постановка вопроса?

– Нет-нет, не отвертитесь! Объясните мне. <...>

– ... так что я не могу быть русской. Есть множество вещей, которые я не могу принять и разделить в русской культуре, ментальности, отношении к жизни. Все это определено не мое. Чужое. Хотя и любое другое – тоже не мое, понимаете? Вам кажется, что если у меня нет маркированной этничности, то она русская по умолчанию. Но это не так. Не надо меня присваивать и вмещать! <...>

– ... мне интересно, хотя все же я так и не разобрался в сути вашего отличия. Где граница своего и чужого, того, что вы приемлете и не приемлете?

– Я и сама в этом так и не разобралась, поверьте. Во всех этих пересеченных и отвергнутых границах.

Где же мне место? Где же *нам* место? Вероятно, там, где все чужие. Где все не дома. Где дома нет в принципе. Я не хочу выбирать, кем мне быть, кем мне становиться окончательно. Я не хочу сводиться к чему-то одному, понятному и простому. Меня много и в этом мое единственное спасение. И места нет. Нет такого места на земле. И потому убежать нельзя. Невозможно.

Окружающие и вовсе не знают, что со мной делать, как меня классифицировать. Экзотика внешности затмевает все остальное. Побеждает инстинкт коллекционирования. Отличие влечет, но обладание всегда мешается с уничтожением. ...» [16, с. 359-363].

Русификация как мощная советская языковая идеология в судьбах многих этнически нерусских делало «чувство принадлежности роду, клану неуловимым, ускользающим <...> А реальность предлагала совсем другие общности <...> у нас просто не было выбора» [16, с. 257].

«В середине дня Муновар⁴ нашла Родо на тенистой веранде. Она прилежно учила наизусть какое-то странное стихотворение, повторяя его как заклинание: ‘Нелепо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повестіи о пълку Игореве...’

<...> Родо споткнулась о вылезшие корни старого карагача, но не уронила обеда и не сбилась, перечисляя бесконечных князей: ‘старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълкы касожьскими, красному Романови Святъславличю ...’.

⁴ Муновар – мать Родо. Обе – героини романа М. Тлостановой «Залумма Агра».

Вот дошла до сарая со словами ‘живыя струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху. <...>

Как ей хотелось цитировать наизусть Навои, Бабур или Лютфи вместо этого ‘нелепо ли ны бяшеть’. Как компенсировать это незнание, это вынужденное насильственное невежество, всегда отмеченное тягостным чувством вины? <...> Потому что ее многочисленные чужеродности – отрезанный язык, искромсанная культурная традиция, затоптанная вера, сложная и к тому же тщательно скрываема этническая принадлежность и социальное происхождение – наслаивались одна на другую и мешали ей слиться с Бинкентом – со старым и с новым. Как чувствовала себя она, предназначенная для иного и лишенная этого права и даже памяти и знания о нем?

На одной чаше весов была традиция, но и отсутствие адекватного современного образования и возможностей роста, статуса, социального положения. На другой – русскоязычие, потеря связей со своим миром, и вместе с тем, обещание призрачного успеха в уродливом советском социуме. Это не настоящий выбор, а мнимый, но Родо все равно всю жизнь себя в нем винила» [16, с. 228-231].

Языковая биография бывшей казахстанки, сегодняшней россиянки, поэта и ученого Елены Зейферт запечатлен и в ее поэтических текстах [10]:

RUSSLANDDEUTSCHE

* * *

Рот, вмещающий два языка.
Vater, Отче, скажи, чья дочь я?
Точит кирху на дне река...
«Твой удел – терпеть,
Russlanddeutsche...».

<...>

Я мешаю мифы, словно вина.
Я в душе не строила Берлин
С 45-го. Моё «wohin?»*
В никуда приводит, лишь один
Русский дух разрухи гонит в спину.

Две души истомились в груди.
Сердце! Herz! «Иссякает аорта».
Голос! Stimme! «Я слаб и один».
Liebe Heimat! «На карте я стёрта»

Саша, я ищу среди развалин
Старого Берлина красный флаг.
И не кремль – коричневый рейхстаг!
Немец или фашист – мой старый враг,
Vaterland – хорош, но федерален.

Ржавый плуг как могильный крест.
Лютер – в ветошь завёрнутой книге...
Волга! Mutter! И в тысяче мест
остаёмся мы Wolganigger.

* Wohin? (нем.) – куда?

В отчете доме хочу домой...
 Предок! «Кости лежат в Карлаге».
 Кирха! «Колокол мой немой».
 Нибелунги! «Ты веришь в саги?...».

«Я не верю уже ни во что!» –
 Так ответь, и предашь всё на свете.
 ...Речи терпкой, щекочущей ток
 неужели не благ и светел?

Крылья – виришь, и – поверх голов –
 станем, делая тысячный круг, мы
 двуязыкими магами слов,
 Руссланддойче с большой русской
 буквы.

Две культуры, два духа... Вдвойне
 нам достанет родительской речи...
 Плуги нежны на новой стерне
 прежних кладбищ... Озимые крепче.

Алекс, в то же время громче жизни
 Я, немая немка, слышу зов
 Голубых кровей моих отцов
 И вне слов вбираю глубь стихов
Рильке, Божества в моей отчизне –

На Парнасе. Саша (Алекс!), с нами
 Сила крестная и, видно, навсегда –
 Питер твой, моя Караганда,
 Где в Карлаге немцы штабелями
 Эмигрировали в никуда.

Алекс (Саша!), с Мюнхеном
 сродниться –
 Очень больно, или – в горле ком –
 Можно, лая новым языком,
 Поперхнуться буквой, словно птица,
 И случайно Словом разразиться –
 Русским кириллическим стихом?
 Саша? Алекс?..

* * *

Русской крови ни капли в жилах,
 А язык до восторга родной!
 Четверть красной семитской застыла
 В трёх четвёртых густой – голубой.
 Канту, Ницше, клокочущим в венах,
 Отзываюсь на лающий “Neil”
 В казахстанских славянских Еленах
 Заплутала моя Lorelei.
 Свои корни руками латаю,
 Рвусь в Москву и иду на Берлин.
 Я душою, как спрутом, врастаю
 В свой восточный и западный сплин.
 <...>
 Рассекаю на части кифару.
 Не живу – задыхаюсь в дыму.
 Остудите меня. С пылу, с жару
 Голос крови своей не пойму.

В «ВЕРЛИБР: ВЕРА в ЛЕВЕ» Е. Зейферт определяет окончатель-
 но свою раздвоенность. Приехав, как она пишет, на «обетованную вот-
 чину», она ощущает ее «чужой»:

Когда сбываются сказки,
разбивается небо.
Я в Германии.
Еду в чужом автомобиле по чужим дорогам,
<...>
Таксист смеётся с немецким акцентом.
<...>
Я сумасшедшая русская
оттуда,
где была сумасшедшей немкой.

Этой малой части собранного материала уже достаточно для создания нового знания о нерусской русскоязычной личности и, собственно, *о влиянии русского языка на филогенез сопряженных с ним народов*. Такое знание невозможно получить, отталкиваясь только от европейских моделей [7], и не разрушив положений социолингвистики по-советски. Нет большого смысла ходить, по образному выражению О. Сулейменова, «в тисках западноевропейского сапога». Нельзя быть «потребителями» (европоцентристских) знаний, но пора «производить знания» самим – призывает М. Тлостанова.

Насколько мы би(поли)лингвы, «чистые» ли мы транслингвы («перебежчики»? Относимся ли мы к категории «маргинальных личностей» в определениях О. Сулейменова [12] и М. Ауэзова [3], или к постсоветским «Агасферам» и так и «не заговорившим субалтернам» по М. Тлостановой? Или будем мысленно обращаться к опыту американского писателя армянского происхождения Уильяма Сарояна, родившегося в г. Битлис (нынешней Турции), похороненного в Америке, в прямом смысле без частички своего сердца?⁵

«Нет силы, которая могла бы заставить народ творить на чужом языке» (выделено мной – У.Б.) [17, с. 73]. Тогда наше неравновесное полиязычие и, «двужязычие – это не нечто навязываемое нам извне, а наша внутренняя, осознанная необходимость, наше естественное состояние, наша судьба» (?) [17, с. 73]. Рус-

⁵ Согласно последней воле писателя часть его сердца захоронена в Армении, у подножья Арарата, недалеко от г. Битлис – родины его родителей.

скоязычные поэты и писатели творят на русском, но они – нерусские. Значит, и творят не по-русски (?).

Выводы. Методологические затруднения в процессе исследования параметров нерусской языковой личности и особой функции русского языка в ее языковом сознании, могут быть преодолены. Важно культивировать собственную эпистемологическую позицию, изучать языковые практики, выходить за границы узконаправленных координат отдельно взятой дисциплины, обращаться к новым достижениям разных наук. Осуществить это, «не выходя за рамки привилегированного положения европоцентристской современности во всех ее формах» [15, с. 5], все же (пока) невозможно:

«Каким бы жестоким ни было завоевание, оно всегда сопровождается какой-то ассимиляцией. Даже будучи частично поглощенными, побежденные все еще воздействуют на победителей и преобразуют их. Как говорят в геологии, они их эндоморфизируют. Тем более в случае мирного культурного вторжения. И тем более, когда речь идет об одинаково стойких и активных народах, которые медленно взаимопроникают при длительном давлении друг на друга. **Наблюдается взаимопроницаемость психики вместе с замечательным и знаменательным взаимообогащением.** Благодаря этому двойному воздействию, когда перемещаются и объединяются и этнические традиции, и гены мозга, выступают и закрепляются настоящие биологические комбинации. **Некогда, на древе жизни, – простое сплетение стеблей. Теперь, во всей сфере Homo Sapiens, – синтез. Но, разумеется, не везде в равной мере. <...>** Этим объясняется появление, несомненно, “врожденное” на неолитическом покрове некоторых полюсов притяжения и организации, – **предзнаменование и прелюдия какого-то высшего и нового состояния ноосферы**» (выделено мной. – У.Б.) [19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. Двадцать лет спустя // Язык и общество в современной России и других странах: Международн. конф. (М., 21–24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения / Отв. ред. В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко; ИЯ РАН, НИЦ по нац.-яз. отношениям. – М., 2010. – 608 с. – С. 1-6.

2. Алпатов В.М. 150 языков и политика, 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: ИВ РАН, 1997.
3. Ауэзов М.М. Иппокрена. – Алматы: ИД Жибек жолы, 1997.
4. Ауэзов М.М. Дневники. – Алматы, 2011.
5. Бахтикиреева У.М. Русский язык в полилоге культур (или “новые импульсы» русскому языку?” // Материалы международной научной конференции «Жизнь языка в культуре и социуме – 2», 2011. – Москва-Калуга: «Эйдос», 2011. – С. 174-176.
6. Бахтикиреева У.М. Теория билингвизма в русском языкознании // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 944 с. – С. 44-55.
7. Бахтикиреева У.М. Русский – полинациональный язык? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. – 2014, №2. – С. 16-30.
8. Бахтикиреева У.М. Встречи с Матиной // Тамыр. – №1(30), 2012. – С. 3-13.
9. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС. Серия: История лингвофилософской мысли, 2004.
10. Кремер Е.Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности): Дис. ... канд. филол. наук: – М., 2009.
11. Млечко Т.П. «Русская языковая личность ближнего зарубежья». – Кишинев: Tipogr. “Valinex”, 2013.
12. Сулейменов О.О. Доклад на симпозиуме ассоциаций писателей стран Азии и Африки // Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. – Алма-Ата: Жалын, 1989.
13. Сулейменова Э.Д. Архетип «гадкого утенка» и языковая идентичность // Язык и этническая идентичность: Международн. конф. «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ (Матер. докладов и сообщ.). – Алматы: Казак университеті, 2006. – С.15-26.
14. Сулейменова Э.Д. К осмыслению вероятности вариантного русского языка в Казахстане // Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian. – Helsinki, 2010. – С. 268-282.
15. Глостанова М.В. Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. – М., 2004.
16. Глостанова М.В. Залумма Агра: Роман. – М.: Изд-во «Спутник +», 2011.
17. Хугаев И.С. Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление: Дисс. ... докт. филол. наук: – Владикавказ, 2010.

18. Хугаев И.С. О границах и критериях национальной транслингвальной литературы // Вестник Владикавказского научного центра. – 2013. Т.13. №1. – С. 2-6.

19. Шарден П.Т. Феномен человека. [Электронный ресурс] <http://articlekz.com/node/1989?page=2> (Последнее обращение 10.11.12)